

Культурогенез и культурное наследие

(Культурологические исследования'09)

Сборник научных трудов

Коллектив авторов

**Культурогенез и
культурное наследие**

«Астерион»

2009

Коллектив авторов

Культурогенез и культурное наследие / Коллектив авторов —
«Астерион», 2009

Издание представляет собой сборник научных трудов коллектива авторов. В него включены статьи по теории и методологии изучения культурогенеза и культурного наследия, по исторической феноменологии культурного наследия. Сборник адресован культурологам, философам, историкам, искусствоведам и всем, кто интересуется проблемами изучения культуры. Издание подготовлено на кафедре теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена и подводит итоги работы теоретического семинара аспирантов кафедры за 2008 – 2009 годы. Посвящается 80-летию юбилею академика РАН доктора исторических наук Вадима Михайловича Массона.

© Коллектив авторов, 2009

© Астерион, 2009

Содержание

Мосолова Л.М.	6
Массон В.М.	10
Часть 1	18
Бондарев А.В.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Культурогенез и культурное наследие (Культурологические исследования' 09) Сборник научных трудов

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Научные редакторы: доктор культурологии, доцент Л.В. Никифорова, кандидат философских наук, доцент А.В. Конева, кандидат культурологии, доцент В.Е. Черва

Мосолова Л.М.

К восьмидесятилетию академика В.М. Массона

Исполняется 80 лет Вадиму Михайловичу Массону – выдающемуся ученому России с мировым именем, заслуженному деятелю науки РФ. Известен миру он стал благодаря крупным комплексным исследованиям и открытию древних цивилизаций юга Центральной Азии, фундаментальным трудам о древней и средневековой культуре степных обществ, диалоге земледельческих и кочевнических цивилизаций, а также глубоким теоретическим работам по археологии, истории, культурологии. Широко известна его масштабная организационная деятельность в области развития археологической науки и сохранения великого культурного наследия народов Евразии.

По научному значению полученных результатов исследований, по капитальности исполнения полевых изысканий и их теоретических интерпретаций работы В.М. Массона представляют собой исключительное явление в современной исторической и культурологической науках. В.М. Массон является бесспорным лидером в области археологии Центральной Азии в нашей стране, создателем научной школы, которая имеет международное значение.

По мнению многих коллег, Вадим Михайлович Массон проявил себя человеком яркого таланта, неумной энергии и богатейшей интуиции. Диапазон его научных интересов очень широк – от проблем палеолита, мезолита, неолита, степной бронзы, земледельческих цивилизаций древности до средневековых культурных систем Старого и Нового Света, от Средней Азии и Кавказа до Скандинавии и Мезоамерики.

Особый интерес к «происхождению вещей», истории человеческого творчества, особенностям культурогенеза разных народов В.М. Массон проявил очень рано и сохраняет его на протяжении всей своей жизни. Не случайно, видимо, среднеазиатские ученики и коллеги Вадима Михайловича считают, что покровительницей с самого его рождения стала «Мать-Генетика»¹. Одной из его книг последних лет стала монография «Культурогенез древней Центральной Азии» (2006 г.). Поразительна также устойчивость его неустанной заботы о культурном достоянии России и народов СНГ.

Огромное значение в этом отношении имеет международный проект «Великий шелковый путь и взаимодействие культур, народов и государств», в разработке и реализации которого В.М. Массон принимал активное участие. Научные конференции, книги и статьи в специальных журналах, связанные с этим проектом, раскрыли значимость зоны степей Евразии как особого самостоятельного центра всемирной истории.

Все сказанное стало основанием для того, чтобы очередной тематический сборник трудов 2009 года «Культурогенез и культурное наследие» из серии «Культурологические исследования», издаваемый кафедрой теории и истории культуры Герценовского университета, посвятить восьмидесятилетию этого замечательного ученого. Существенно также, что В.М. Массон работал на нашей кафедре в 2004–2005 годах, а его труды служили и служат базой для университетских курсов по мировой культуре и истории культуры народов и регионов Евразии, а так же для самостоятельной работы студентов и аспирантов нашего вуза.

В связи с особой поучительной значимостью персонологии выдающихся людей для становления молодых ученых и развития научных исследований, приведем краткую историю жизни и творчества В.М. Массона.

¹ Какеев А.Ч., Плоских В.М. В. Массон – сын Е. Массона// Диалог цивилизаций. Взаимодействие культур, народов и государств в зоне Великого шелкового пути. Ежеквартальный научный журнал. – 2004, № 1 (4). .С. 6.

В. М. Массон родился 3 мая 1929 в Ташкенте в семье Михаила Евгеньевича Массона – одного из основателей среднеазиатской археологии советского времени, начавшего научные исследования памятников древности и средневековья в республиках Средней Азии. Сохранились исторические сведения о том, что его предками были французские аристократы, перебравшиеся во время якобинского террора в Россию и оставшиеся в ней навсегда. Многие жизненные и исследовательские уроки В.М. Массон получил от отца, который знал ряд древних и современных европейских языков, читал по-арабски, на фарси, увлекался изучением древней истории. Соответственно В.М. Массон с детства изучал исторически родной ему французский, осваивал персидский и узбекский языки.

Михаил Евгеньевич «обратил сына в свою веру», когда тот с 1945 года учился на отделении археологии Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте. Особенно глубокое впечатление произвела на него экспедиция в Нисе, когда была раскопана древняя столица Парфянского царства античного периода. Он страстно увлекся археологией. Уже к концу обучения в университете он имел семь статей, связанных с участием в южнотуркменской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), исследовавшей очаг древней культуры под Ашхабадом.

После окончания Ташкентского университета в 1950 году он поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории материальной культуры и завершил ее успешной защитой кандидатской диссертации «Древняя культура Дахистана». В те годы юго-западная часть Туркмении была «белым пятном» на археологической карте, и В. М. Массон ее самостоятельно и продуктивно исследовал, не боясь работать в безводной пустыне далеко от каких-либо селений. Им впервые была открыта неизвестная ранее культура эпохи бронзы, существовавшая здесь до середины II тыс. до н. э.

После окончания аспирантуры В.М. Массон стал сотрудником сектора Средней Азии и Кавказа Института Истории материальной культуры в Ленинграде и продолжил экспедиционную работу в долине р. Мургаба в Туркмении в качестве руководителя Каракумского археологического отряда. Результатом этой сложнейшей деятельности стало открытие пластов культур позднего бронзового и раннего железного веков. Речь шла о сложении на юге Средней Азии еще до империи Ахеменидов древнеземледельческой культуры – культуры Маргианы.

Далее последовал целый ряд выдающихся открытий 50х – 60х годов. В.М. Массон обнаружил вариант культуры, типологически соответствующей явлениям переднеазиатского земледельческого неолита, – культуру Джейтуна. Затем – крупные комплексы неолитических поселений в предгорьях Копет-Дага и Геоксюрском оазисе. Совершенно новой в науке была плодотворная линия сравнительного анализа явлений культуры месопотамского и древнеиранского круга с феноменами самобытной культуры Средней Азии и доказательство прямых контактов носителей этих культур. В 1963 году В.М. Массон защитил докторскую диссертацию, а в 1964 году издал монографию «Средняя Азия и Древний Восток», ставшую настольной книгой специалистов, изучающих эти регионы.

Среди открытий В.М. Массона наибольшую мировую известность получили раскопки конца 1970-х годов на Алтын-Депе (Золотом холме) с монументальным многоступенчатым башнеобразным сооружением, «гробницей жрецов», и богатым ремесленным художественным комплексом. Последующие археологические изыскания в Южном Туркменистане на соседнем с Алтын-Депе поселении Илгынлы-Депе принесли новые и важные результаты – наличие крупных поселений с производственными центрами каменной скульптуры и терракотовых антропоморфных статуэток, отличающихся особым изяществом.

Открытие южнотуркменских памятников позволило проследить развитие культуры от поры архаических земледельцев к сложному обществу, показать содержание и характер взаимодействия разных народов, выявить процессы культурной интеграции и культурогенеза в целом. Были обнаружены общие закономерности социокультурного развития среднеазиатского

региона в логике становления первых цивилизаций человечества. Определились характерные черты культурогенеза – культурный синтез, взаимодействие спонтанной и стимулированной трансформаций. Труды В.М. Массона, связанные с этими открытиями, ныне считаются классикой археологической науки.

Не менее фундаментальными являются исследования В.М. Массона, посвященные кочевому миру Азии на разных этапах его истории. Речь идет о природе становления производящего комплексного скотоводческого хозяйства с эпохи неолита; о впечатляющих достижениях степных обществ конца III – II тыс. до н.э. (Синташта, Аркаим и т. п.); о времени ранних кочевников скифо-сибирского мира с развитыми формами военно-аристократической государственности, особым типом монументального строительства («царскими курганами») и яркими феноменами художественной культуры (искусство скифо-сибирского звериного стиля); о природе кочевых империй (от империи Хунну до суперимперии Чингисхана).

По мнению В.М. Массона, «в Центральной Азии синтез политико-государственных начал кочевой и городской традиции создавал, начиная по меньшей мере с эпохи Караханидов, перспективные государственные организмы. Это было ярким проявлением продуктивного творческого взаимодействия различных начал, которыми так богата мировая история»².

Среднеазиатские авторы работ о В.М. Массоне неоднократно отмечали, что «владение огромным сравнительным материалом и умение сжато и точно его охарактеризовать, занимательность изложения при сохранении высокого научного уровня, обращение к фундаментальным проблемам теоретической социальной антропологии, не покидая почвы конкретных археологических фактов, – все это сделало В.М. Массона едва ли не харизматической фигурой в глазах коллег и особенно учеников»³.

На протяжении всей своей жизни В.М. Массон ведет огромную организаторскую работу. С 1968 года он стал успешно руководить сектором Средней Азии и Кавказа, а с 1982 года был назначен директором Ленинградского отделения Института Археологии Академии наук СССР. В это же время он начал руководить Ученым советом этого института. Им было подготовлено более тридцати кандидатов и докторов наук, многие из которых сегодня достойно представляют российскую историческую науку.

Следует отметить, что В.М. Массон всегда заботился об издании научных трудов по археологии. Среди широко известных изданий – «Каракумские древности», «Успехи среднеазиатской археологии», «Археологические вести», «Диалог цивилизаций» и ряд других.

Вполне закономерно, что научная и организаторская деятельность В.М. Массона – доктора исторических наук, профессора, академика РАЕН получила широкое международное признание. Он стал членом Датской королевской академии наук и литературы, членом-корреспондентом Германского археологического института и Института Среднего Дальнего Востока в Италии, действительным членом Национальных академий наук Туркмении, Киргизии, Таджикистана. Правительствами этих государств он удостоен высоких наград за выдающийся научный вклад в исследование истории обществ и культур народов Средней Азии.

В заключение подчеркнем, что в России труды В.М. Массона неизменно пользуются популярностью не только в академической, но и вузовской среде. Например, в этом отношении весьма показательной является его книга «Первые цивилизации»⁴. Это единственный в своем роде системный труд, созданный на мощной теоретической основе, обобщивший новые результаты множества археологических исследований. Книга дает интегративные представления о развитии социокультурных комплексов цивилизаций Старого и Нового Света – Месо-

² Массон В.М. Зоны степной Евразии – периферия древних цивилизаций или самостоятельный центр всемирной истории // Диалоги цивилизаций. Взаимодействие культур, народов и государств в зоне Великого шелкового пути. Ежеквартальный научный журнал. – 2004, № 1(4). – С.16.

³ Березкин Ю.Е., Плоских В.М. Краткий очерк жизни и научной деятельности В.М. Массона // Массон В.М. Библиографический указатель с дополнениями. – Бишкек, 2002. – С. 6. 4 Массон В.М. Первые цивилизации. – Л., «Наука», 1989.

потамии, Малой Азии, Средиземноморья, Ирана, Средней Азии, Индостана, Китая, Перу и Мезоамерики. Это издание в сущности выполняет функцию основного учебника для профессиональной университетской подготовки специалистов в области познания древних культур человечества.

В силу особой значимости методологических вопросов, разработанных Вадимом Михайловичем Массоном, ниже мы публикуем основную часть его лекции по этим вопросам, прочитанной в 2004 году.

Массон В.М.

Перспективы методологических разработок в исторической науке: формации, цивилизации, культурное наследие

Распад Советского Союза, социально-экономические и политические перемены порождают многочисленные дисбалансы в обществе, в том числе, в идеологической сфере. Сумятица и сумбур проявились и в области методологии исторической науки. Практика исследовательской и преподавательской работы побуждала автора в разной степени обращаться к этой тематике, и данная лекция представляет собой как бы систематизацию наблюдений и предложений в этой области.

Здесь естественным образом встает первый же вопрос о наследии, которое оставила советская эпоха: **о методологии исторической науки в условиях идеологического прессинга и адаптации.** В обстановке политизации, сопровождавшейся мощным организационным прессингом, сформировался целый ряд методологических стереотипов, восходящих, во всяком случае терминологически, к базовым положениям общей концепции К. Маркса и Ф. Энгельса о характере исторического развития и путях его реализации. Все это, как правило, принимало упрощенно-догматическую форму, где примитивизм мог дискредитировать любые, даже самые разумные теоретические положения. Одним из результатов этого процесса явился своего рода формационный эволюционизм. Социально-экономические формации, сами понимаемые предельно примитивным образом, закреплялись в жесткий перечень, состоящий из пяти формаций – первобытной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической, переходящей в утопический коммунизм.

Терминологически эта система не была вполне адекватной, особенно, по отношению к т. н. рабовладельческой формации, поскольку, как показали конкретные исследования, сама структура групп населения, подвергавшихся эксплуатации, была весьма сложной и разнообразной. Вместе с тем деление исторического процесса на последовательные периоды вполне отвечало имеющимся реалиям. Негативным было лишь стремление придать этой периодизации жесткий характер обязательной эволюции. Исследователям предписывалась строгая последовательность, которую должны были проходить все общества без исключения. Так, предпринимались усилия по обнаружению рабовладельческой формации у скифов⁴. В.Я. Владимиров, подготовив прекрасную работу о монгольском обществе, вынужден был увенчать ее трафаретной формулировкой о монгольском кочевом феодализме⁵. По мере развития науки, новых открытий, методологических разработок мыслящие ученые все более отдавали себе отчет в том, насколько малоперспективным становился подход формационного эволюционизма с его ограниченной понятийной сеткой. Предпринимались по пытки (вполне в духе времени) выискивать в работах, а то и в отдельных заметках и частных письмах ученых, причисляемых к «классикам марксизма-ленинизма», какие-то возможности согласования новых аспектов и теоретических подходов, становившихся все более узкими. Таково было, в частности, стремление выделять особую формацию – т. н. азиатский способ производства как попытку согласовать концепцию единообразия и жизненного разнообразия. Практически камуфляж формационного эволюционизма становился все более прозрачным под прессингом излагаемых и обобщаемых реальных фактов и исторических процессов. В этом отношении по своему удачной была

⁴ Тереножкин А.И. Общественный строй скифов // Скифы и сарматы. – Киев, 1977. – С. 3-28.

⁵ Владимиров В.Я. Общественный строй монгол. Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1934.

книга о теориях исторического процесса, увидевшая свет в 1983 году в условиях начинающегося крушения политизированного догматизма⁶.

Примитивизм догматического формационного подхода к историческому процессу восходит к упрощенному пониманию дарвиновского эволюционизма как некоего абсолютного императива. В новой дарвиновской биологии разрабатывалось учение о пунктуализме как о движении, отражающем постепенный характер развития с остановками, замедлениями и возвратными движениями. В этом отношении антитезой формационному эволюционизму является концепция **ритмов культурогенеза**. Конкретная история изобилует реальными примерами замедления исторического процесса, стагнациями эволюций с обратным знаком, отодвигающим то или иное общество на целую историческую эпоху. Классический пример тому – крито-микенское общество, ярко демонстрирующее высокий социально-экономический статус общества, уже полностью владеющего таким важнейшим показателем сложившейся цивилизации как письменность. С его крушением история как бы делает шаг назад, письменность забыта и изобретается заново. Гомеровская Греция осуществляет новый виток социально-политического прогресса со сложением ранних форм царской власти. Тот же самый пульсирующий ритм мы видим и в Индии, где после упадка цивилизации Хараппы наступает внешне архаический бесписьменный период. Новый цикл движения к государству и цивилизации начнется почти тысячелетие спустя, когда развивается ведийское общество, причем в ином пространственном локусе – в долине Ганга. На уровне макроизменений исторический процесс в целом движется в основном по восходящей линии. На уровне микро изменений имеют место различные перепады, вплоть до стагнации и деградации.

Причины этих явлений могут быть различными. Таковы и природные факторы экологических стрессов, и военно-политические составляющие. В ряде случаев конкретная общественная система, вероятно, исчерпала заложенные в ней возможности и не смогла найти пути к продуктивной перестройке. Могло иметь место и такое явление, когда народ без популяционного обновления не преодолевал цикла гомеостазиса.

Достаточно яркий пример подобных циклических стагнации дает история Балканских обществ VI – IV тыс. до н. э. Раннеземледельческая экономика позволила освоить обширные пространства и достичь первоклассных результатов в культуре, особенно в художественных производствах. Крайней восточной составляющей в этой историко-культурной области является трипольская культурная общность. Вместе с тем, во всех обществах этого цикла слабо представлены урбанистические начала, давшие возможность Месопотамии совершить скачкообразный переход от раннеземледельческого общества к первой цивилизации с развитыми ремеслами и монументальной архитектурой. На Балканах этого не произошло. Местные общества деградируют и увядают. Новый цикл развития начинается на Балканах и в Центральной Европе с конца III тыс. до н. э., когда ярко представлены военный фактор и военно-аристократический путь политогенеза, кстати, отсутствовавший в обществах балканского типа. Наряду с временными ритмами исторического развития налицо и пространственные ритмы, когда центры активного прогресса в силу ряда обстоятельств перемещаются в пространственных локусах. На пример, А. Тойнби напрасно характеризовал степной путь развития как неперспективный, поскольку в зоне степей не сформировался на местной основе капитализм. Степная зона с достижением структуры кочевых империй, вершиной которой была суперимперия Чингизхана, исчерпала заложенные в местном обществе возможности, подобно тому как это произошло с Месопотамией, сохранявшей пальму первенства исторического прогресса почти три тысячелетия.

⁶ Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность и многообразие, формационные ступени. – М., 1983. – 532 с.

Важнейшим рубежом в истории общества было **формирование цивилизации**. В быденном словоупотреблении цивилизованным обычно считается общество высокой степени развития. Базовым для определения можно считать исходную характеристику древнейших или первых цивилизаций. Они могут быть охарактеризованы как социо-культурный комплекс с такими важнейшими составляющими как городские поселения, развитые ремесла, монументальная архитектура и письменность. Сложный характер подобного общества требует наличия руководящих структур, достигших высокого уровня политогенеза, обычно именуемых государством.

Города определяются как крупные населенные центры со специфическими функциями, набор которых мог быть раз личным, но, как правило, достаточно полным. Базовой и по существу всеобщей была функция центра сельскохозяйственной округи. Достаточно выразительны также функции центра ремесленных производств, торгового центра, функция идеологического лидерства и военного центра, представленного сложной фортификацией и набором оружия в среде обитателей. По существу формирование первых городов и означало формирование цивилизации. Поэтому самым общим определением цивилизации является ее характеристика как культуры грамотных горожан.

Формирование сложных структур, в том числе и цивилизаций, было не одномоментным, а длительным и сложным процессом. На заключительных этапах архаических обществ часто формируются достаточно сложные структуры, обеспечивающие выдающиеся достижения в культуре и общественной жизни, но еще не являющиеся собственно цивилизациями с соответствующим сложным социо-политическим статусом. Эти организмы обычно именуются ранними комплексными обществами. Их характерной особенностью является формирование фактора лидерства или центральной власти, которая обеспечивала организацию масштабного труда в различных сферах систем жизнеобеспечения от бытовой до идеологической. Яркими примерами результатов такой деятельности являются монументальные комплексы Стоунхенджа, огромные **суперцентры** трипольской общности или величественные погребальные сооружения с богатыми гробницами, представленные майкопской культурой Северного Кавказа. Новая система организации общества функционировала определенное время, затем факторы и предпосылки ее появления девальвировались, а общество возвращалось по закономерностям ритмов развития в более архаическое состояние.

Это было обусловлено внутренней слабостью структуры ранних комплексных обществ, не обеспечивающих продвижение на следующий уровень развития, которым должна была стать урбанистическая цивилизация. К числу слабостей социальной структуры следует отнести отсутствие четко выраженной системы социальных структур, закрепленных соответствующим материальным положением – того, что можно именовать классовой структурой. В равной мере, судя по всему, отсутствовали и бюрократическая система руководства, когда служилая знать обеспечивала преемственность и стабильность, как мы это знаем на примере древних государств, сохранявших организационную преемственность в пору сложных политических перепадов. Ранние комплексные общества формировались на управленческом уровне, монументальные сооружения переставали возводиться, и все возвращалось «на круги своя». Это был своего рода путь проб и ошибок в ходе движения общества к первым цивилизациям и государствам. На уровне культурологической характеристики сами цивилизации также были весьма различными. Первый их тип можно характеризовать как эпохальный, объединяющий макропризнаки и макропроявления. Этот эпохальный тип первых цивилизаций, представленный Египтом, Китаем, Мезоамериканскими цивилизациями, характеризует диахронный характер развития. Древние цивилизации Мезоамерики, структурно аналогичные первым цивилизациям Древнего Востока, по абсолютной хронологии синхронны поре развитого средневековья европейского материка.

В этой связи встает важный вопрос о периодизации истории и выделения **больших эпох исторического развития**.

При всем разнообразии и многообразии формопроявлений исторического развития, для раннего времени наиболее реально говорить о трех эпохах развития – архаической, древней и средневековой. Они достаточно отчетливо отделяются одна от другой по многим показателям – культуре, организации общества, особенностям интеллектуального развития. Территориально это проявляется в наиболее развитых зонах Евразии и пристрадииземноморской Африки. Это общепризнаваемое и, во всяком случае, общеупотребляемое деление в терминологии формационного подхода именовалось тремя эпохами – время первобытнообщинного строя, рабовладельческой и феодальной формаций. Едва ли не наибольшие сложности здесь вызывал термин «рабовладельческий», в чье прокрустово ложе не укладывалось многообразие и динамизм реальных социальных структур, попадавших в это формационное единство. Наиболее реалистичным представляется терминологический подход И.М. Дьяконова, под чьей редакцией вышел трехтомник «История древнего мира», выдержавший несколько изданий⁷. Здесь речь идет об эпохе, обозначенной как древность с тройным членением: ранняя древность, время расцвета древних обществ и время упадка древних обществ. Этот подход на данном этапе представляется наиболее целесообразным. Первые цивилизации, о которых речь шла выше, полностью ложатся в период ранней древности, образуя его начальную исходную фазу.

Цивилизация, начиная с ранних этапов ее формопроявления, представляет собой сложный социо-культурный комплекс. В его социальную составляющую входит также развитие управленческих структур, организующих функционирование общества во всех сферах, требующих масштабного регулирования: от земледелия и первобытной торговли до общественных религиозных действий и отношений с соседями, зачастую приобретавших конфликтный характер. Городское общество со всеми его сложными компонентами создавало обширный объем информации, требующей хранения и передачи. Это было одним из важнейших стимулов развития письменности, поскольку традиционные способы хранения информации – устный и изобразительный – оказывались недостаточными.

Намечаются два главных вида развития процесса политогенеза: организационно-управленческий и военно-аристократический. Уже у ряда племен доколумбовой Северной Америки существовала практика выделения параллельно двух вождей с различными функциями – военного кацика и мирного кацика. Необходимость организации и надежного функционирования хозяйственной деятельности стимулировало развитие организационно-управленческой функции. В этом отношении особенно показательна роль храмов древнего Шумера как организационных центров земледельческого труда, начиная от обработки земли до уборки урожая и хранения продукции. Напряженная межплеменная ситуация с перемещением материальных ценностей и рабочей силы способствовала развитию внешней функции – от производства оружия и создания фортификационных сооружений до выделения группы людей, постоянно занимающихся военным делом, становящихся в этой области едва ли не профессионалами. Лидеры таких групп способствовали развитию военно-аристократического пути политогенеза, как это было в гомеровской Греции и ярко охарактеризовано Ф. Энгельсом⁸. В реальной истории различные управленческие функции, как правило, пересекались, но их определенная доминанта нередко выступает достаточно отчетливо.

В конкретных разработках российских ученых, в первую очередь. И.М. Дьяконова и его школы, ясно показано, что социальная структура, к терминологии которой привязывалась само слово «рабство», играла огромную роль. По исследованиям И.М. Дьяконова, для исходной

⁷ История древнего мира. – 3-е издание. [Кн. 1]. Ранняя древность. – 472 с. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. – 576 с. [Кн. 3]. Упадок древних обществ. – 408 с. – М., 1989.

⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, Т. 21. – М., 1961. – С. 164.

социальной страты предложен термин «подневольные работники рабского типа»⁹. Популярный в литературе образ раба как «полностью бесправного говорящего инструмента» был толь ко крайним в этой сложной социальной структуре.

Развитие обществ эпохи древности, как и многие исторические явления, носило диа-хронный характер. Так, отставание темпов развития американских обществ по сравнению с евразийскими по системе абсолютной хронологии приходится на эпоху европейского сред-невековья. Определенное отставание темпов развития Америки могло восходить ко времени начального освоения человеком просторов Нового Света. Первые охотники и собиратели затратили почти двадцать тысяч лет на экстенсивное освоение новых пространств, прежде чем кризисные проявления экономики присвоения продуктов питания не подтолкнули общество к неолитической революции.

Стремление к исключительно социо-экономическим приоритетам с утверждавшимся формационным эволюционизмом ослабляло внимание к огромной роли других сторон исто-рического процесса, прежде всего, к культурному и интеллектуальному развитию. Так, весьма важна разработка **процессов культурогенеза для изучения исторического развития** как такового. Исключительное значение имеет этот аспект для эпохи древности, в первую очередь на информационном уровне. Хорошо известна ограниченность письменных источников и их преимущественная направленность на освещение событий политической истории при предель-ной бедности данных о социально-экономической сфере. Вместе с тем многие исторические явления, в том числе и социально-экономического плана, находят отражение и воплощение в культуре и могут быть достойно использованы для соответствующей интерпретации. Да и раз-витие культуры является ярчайшим воплощением исторического процесса в целом, который может быть интерпретирован на основе этих достаточно надежных и массовых формопрояв-лений.

В категориях культуры довольно ярко отражаются явления, связанные с социальными процессами. Например, в современной отечественной историографии, по принципу «я сжег все, чему поклонялся», избегают употребления понятия классы, хотя такие структуры и представлены в повседневной реальности вплоть до наших дней. Так, известно понятие «система жизнеобеспечения», охватывающая в первую очередь такие проявления как поселе-ния, жилища, питание и одежда. Если взять три последних компонента, особенно объединяя мужские и женские одеяния, то ярко выступает в нашем обществе социальная группировка, стыдливо именуемая «новыми русскими» и фактически образующая целый класс, имуще-ственно лидирующий в обществе. Не касаясь сложной проблемы определения уровня доходов, надо прямо сказать, что на материалах культуры этот класс выделяется отчетливо и безогово-рочно.

Именно культура представляет собой живой пласт исторической действительности, реа-лии которой с яркой индивидуальностью позволяют разрушить трафареты одноразового фор-мационного эволюционизма. Например, читаем в томах «Всемирной истории» стандартные одинаковые формулировки, что и в Германии, и во Франции, и в других странах эксплуати-ровали, угнетали крестьян. С этой убогой тривиальной формулировки начиналось изложение истории этих и других стран.

Следует иметь в виду, что культура отнюдь не выполняла автоматически т. н. социаль-ный заказ, а следовала своим внутренним особенностям и закономерностям, хотя и лежащим в общем потоке исторического развития. Выявляемые на материалах культуры процессы и явления естественным образом вписываются в общеисторическую интерпретацию, дополняя и углубляя ее анализ.

⁹ Дьяконов И.М. Рабы, илоты и крепостные ранней древности // Вестник древней истории. – 1973, № 4. – С. 3-39.

В этом отношении весьма важно выявление двух типов культурной трансформации – спонтанной и стимулированной. Спонтанная трансформация протекает на основе местных особенностей, закономерным образом проходящих стадии изменений обычно на эволюционной основе. При стимулированной трансформации изменения могут протекать как результат воздействия соседних культурных традиций, но не механическим путем, что означало бы прямое заимствование, а на основе селекции и адаптации к местной среде и традициям. Без подобных проявлений это было бы прямое заимствование, что, разумеется, также имело место в процессе культурогенеза.

Важное значение имеют процессы культурной мутации. Многие явления, которые, учитывая хронологическое и иное отставание от уже устоявшихся проявлений, соблазнительно воспринимать как заимствования, таковыми в действительности не являются. Многочисленные важнейшие открытия в разных центрах делались заново. Это касается, например основ письменностей великих первых цивилизаций, настолько самостоятельных, что например, письменность Хараппы до сих пор не поддается убедительному прочтению, несмотря на разнообразные попытки и ухищрения. В данном случае изобретение письменности – явление явно мутационного характера.

Для широких исторических обобщений существенно использование понятия зон абсолютной и относительной изоляции, разработанных на природно-географической основе. Совершенно ясно, что могут быть и зоны частичной и абсолютной культурной изоляции, ярким примером которой является средневековая Япония. Имеются свидетельства частичной языковой изоляции или стремления к ней, что, как и природная изоляция австралийского материка, отнюдь не способствует развитию и прогрессу. Для широкого анализа особенностей исторического процесса важно и такое культурологическое понятие как образ жизни, например, городской или степной. Так, начиная с массового распространения скотоводства в степной Евразии, можно говорить о формировании особого степного образа жизни, которому местные этнические особенности могли придавать определенный колорит, не меняя базовых формопроявлений. Следует иметь в виду, что степной образ жизни, особенно с распространением кочевого скотоводства, мог стимулировать развитие пассионарности, которая становилась все более востребованной и необходимой даже для повседневного бытия. Пассионарность, свойственная кочевым обществам, сыграла немалую роль в политической истории древней и средневековой эпохи, например, при развитии Парфии и Кушанской державы как империй мирового ранга, наряду с Римом и ханьским Китаем.

Для результативных исторических разработок немалое значение имеет феномен **культурного наследия**, которому в последние годы историки и политики стали уделять все большее внимание¹⁰. В широкое понятие культурного наследия входят многие явления от материальной культуры до художественного творчества, песенного лада и поведенческих ориентиров. В ряде случаев в культурное наследие входят и религиозные системы, давно и прочно включенные в жизнь народа, ставшие составной частью общественного сознания и стереотипов поведения. Вместе с тем имен но конкретные формы культурного наследия того или иного народа характеризуют и особые специфические черты религиозных установлений, особенно на обрядовом и поведенческом уровне. Тем более что так называемые мировые религии, да и другие религиозные системы, инкорпорировали и приспособили к своему идеологическому блоку многие народные обычаи и праздники. Например, довольно широко распространена такая форма как народная модель ислама. В Средней Азии традиционным был культ коня, о чем свидетельствуют такие на ходки как священные кормушки или отпечатки следов копыт на поверхности каменных плит. С распространением ислама конь был объявлен конем халифа Али и в таком понимании пользуется почитанием до наших дней. В Туркменистане и Киргизии

¹⁰ Массон В.М. Вопросы культурного наследия. – Ашгабат, 2002. – 48 с.

местные традиции блокировали широкое распространение арабских собственных имен, отдавая безусловное предпочтение собственным именам тюркоязычной лингвистической группы с достаточно прозрачной бытовой этимологией ей. Даже почти повсеместное имя Абдаллы заменено на Худайкули, также означающего «раб бога», но в тюркоязычном переложении.

В целом культурное наследие является фактором стабильности и на примере традиции степного или городского образа жизни не смогло в основном прервать даже Чингисхановское нашествие с его стратегиями устрашения и тотального террора, введенными в военную доктрину.

Культурное наследие наряду с языком и антропологическим типом играет основную роль при изучении истории отдельных народов, их традиций и преемственности. Убогий понятийный примитивизм, свойственный подходу формационного эволюционизма, породил своего рода лингвистический монополизм в изучении этногенеза. Вместе с тем язык часто менялся в среде одного и того же населения в зависимости от политической ситуации, что частично проявляется и в наши дни. Достаточно вспомнить политическую историю Месопотамии, где сменилось немало языков при сохранении основным населением традиций культурного наследия, выработанных городским образом жизни. Характерным образцом соответствующих процессов является Египет, по праву гордящийся первоклассным культурным наследием, которое не девальвировали лингвистические перемены, вплоть до господствующего в наши дни арабского языка. Стремление к примату лингвистического монополизма приводит к малоперспективным поискам, скажем, казахского языка в среде населения андроновской культурной общности эпохи бронзы, по праву образующей один из основных пластов культурного наследия казахского народа.

Смена языка далеко не всегда или, точнее сказать, край не редко вела к этническим переменам. В этом отношении достаточно характерна история Центральной Азии. Там в IX веке произошла не только смена восточно-иранского согдийского языка на западно-иранский, именуемый отечественными специалистами таджико-персидским, но изменилось и самоназвание народа, ставшего именовать себя не согдийцами, а таджиками. Между тем антропологически это прежнее население, также как и основные показатели культурного наследия, включая знаменитый эпос, изложенный вместо согдийского или бактрийского на таджико-персидском языке в бессмертной поэме «Шахнаме». Интересный процесс смены самоназвания населения можно наблюдать и в кочевом мире. Например, монголы были инициаторами и первопроходцами грандиозных исторических перемен. Однако имя «монголы» сменилось на «татары». Последний термин прочно установился в исторической традиции, начиная с европейского средневековья. Следует указать на процесс встречной ассимиляции, когда при становлении политического господства пришельцы ассимилировали местное население лингвистически, но сами воспринимали высокоорганизованную культуру покоренного населения, как это имело место во время тюрко-согдийского синтеза в Семиречье и Синьцзяне.

Изучение исторических судеб культурного наследия разных народов представляет собой весьма перспективное творческое направление современной науки. Здесь можно наметить два цикла подобных разработок. Прежде всего, это понятие пластов культурного наследия как суммы устойчивых проявлений, взятых во временной характеристике. Так, например, для Туркменистана можно говорить о трех крупных пластах культурного наследия. Это пласт раннеземледельческой эпохи и урбанистических цивилизаций древневосточного типа, парфянский и сельджукский. Помимо преемственности в сфере культурного наследия, здесь для всех трех пластов налицо яркая антропологическая преемственность. Для Восточной Европы возможно следует говорить о пласте трипольского наследия с его ярко выраженной устойчивой спецификой оседло-земледельческого образа жизни, к традициям которого тяготеют и современные селяне.

Другой цикл может быть связан с понятием «блоков культурного наследия» как культурных комплексов, сходных по основным параметрам, хотя и различающихся при детализированном рассмотрении. Таков бесспорный блок степного культурного наследия. Не будет удивительно, если соответствующие разработки покажут, что существует восточнославянский блок культурного наследия как генетическая предтеча украинского, русского и белорусского культурного наследия.

Вполне вероятно, что в определенной мере можно говорить и о саманидском блоке культурного наследия, влившего на генетической основе в культурное наследие ряда среднеазиатских народов, в первую очередь, таджиков, но не только их одних. Фактор культурного наследия многообразен и имеет многочисленные формопроявления. Например, в геополитических приоритетах – стремление к исламскому единению лишь в малой степени связано с географическими предпосылками.

Все это лишний раз свидетельствует, что культура и ее проявления имеют немаловажное значение для познания исторических процессов. Это, также как и многое другое, один из путей, уводящих науку от упрощенного подхода формационного эволюционизма.

Часть 1

Теория и методология изучения культурогенеза культурного наследия

Бондарев А.В.

Неизвестная страница истории отечественных культурогенетических исследований: секция генетики культуры ГАИМК (1926-1929 гг.)

Движение знания в процессах научного роста (ноогенеза) происходит неравномерно. В них время от времени возникают периоды «взрывов творчества». 10-е – 20-е гг. XX в. были ознаменованы мощным всплеском российской науки практически во всех областях знания: философия, лингвистика, этнография, социология, психология, генетика... Этот сравнительно короткий отрезок исторического пути отечественной науки по концентрации интеллектуальной энергии ее творцов и богатству новаторских идей был во многом беспрецедентным. Однако последовавшая трагедия советизации, а точнее сталинизации, постигшая нашу страну, оборвала это бурное развитие российской науки. Прежде всего, это коснулось гуманитарных наук, которые испытывали особый гнет сталинской догматизации. Многие выдающиеся ученые подвергались в это время гонениям и травле, затем был подключен и маховик репрессий. Все это обусловило прорыв многих фундаментальных направлений исследований и связанных с ними научных традиций. К счастью, архивные документы еще хранят историю этих почти забытых страниц. Одной из них – разработкам секции по генетике культуры ГАИМК – посвящена эта статья, которая целиком основывается на ранее не публиковавшихся документах из рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН.

В возникновении российской культурогенетики большую роль сыграла организационная деятельность акад. Н.Я. Марра. Так, в 1919 г. в Петрограде была учреждена Российская академия истории материальной культуры (РАИМК)¹¹, ставшая одним из первых в мире центров разработки культурно-генетических проблем. В марте 1926 г. по личной инициативе Марра в Академии была создана секция генетики культуры. И хотя это первое специализированное учреждение просуществовало всего четыре с небольшим года, – с 1926 по 1929 гг., – за это время его сотрудникам удалось сделать необычайно много, а главное – было задано само направление дальнейших поисков на десятилетия вперед.

Свое существование в виде самостоятельного учреждения секция генетики культуры получила согласно постановлению Совета Академии с марта 1926 г., когда был реорганизован разряд первобытной культуры. Секция генетики культуры не случайно была создана на основе реорганизованного разряда первобытной культуры. Дело в том, что уже при создании ему была поручена комплексная разработка именно генетических проблем развития культуры, которые явно выходили за пределы рамок только первобытной культуры. В отличие от иных родственных и смежных разрядов I отделения Академии, разряд первобытной культуры изначально имел своей особой задачей освещение «не одной какой-либо стороны или области культуры, но синтетическое изучение элементов ее – как они кристаллизуются в процессе сложения

¹¹ С 1926 г. Государственная академия истории материальной культуры – ГАИМК.

и исторического свертывания этнических групп»¹². Для широкого всестороннего освещения этих явлений разряд подключил к своей работе специалистов в области языка, материальной культуры, общественного быта, права, художественного творчества, антропологии и проч. Причем, подразделению вменялось в обязанность исследовать в равной мере «как ранние формы этих явлений, так и современные переживания прошлого»¹³. Но эта установка уже выходила за пределы наименования Разряда. Поэтому необходимо было новое название, которое более точно отражало бы направленность исследований. Вместе с тем, для осуществления обозначившейся задачи ощущалась необходимость в некотором подразделении Академии, которое давало бы возможность представителям различных областей этнологического знания обмениваться результатами своих специальных изысканий, наблюдениями и выводами, сделанными на своем материале. Примечательно, что в «Отчете о работах секции генетики и культуры за 1925-1927 гг.» П.П. Ефименко слово в слово повторяет эти же характеристики особенностей деятельности подразделения, правда, говоря уже не о разряде первобытной культуры, а применительно к секции генетики культуры¹⁴. Следуя направляющей мысли Марра, П.П. Ефименко в составленной им записке «Общие задачи разряда» полагал, что «лишь параллельным исследованием, и выявлением как путей, так и результатов этой работы может быть найден общий путь к познанию причинных законов, управляющих многообразными проявлениями материальной культуры».

В деятельности Секции для изучения фундаментальных проблем генетики культуры объединились крупнейшие отечественные ученые различных специальностей: акад. Н.Я. Марр (председатель), акад. С.Ф. Ольденбург, акад. В.В. Бартольд, акад. С.А. Жебелев, чл.-корр. Б.В. Фармаковский, чл.-корр. Д.К. Зеленин, чл.-корр. Д.В. Айналов, чл.-корр. А.Е. Пресняков, чл.-корр. А.А. Спицын, А.А. Миллер (заместитель председателя), Н.Н. Павлов-Сильванский (секретарь), И.И. Мещанинов, С.И. Руденко, П.П. Ефименко, М.В. Серебряков, И.А. Орбели, Д.А. Золотарев, Ф.В. Кипарисов, Б.Л. Богаевский, Ф.И. Шмит, А.В. Бородин, К.К. Романов, Г.И. Котов, Н.Б. Бакланов, Г.И. Боровко (Боровка), Н.Н. Андреев, Н.М. Маторин, С.И. Ковалев, М.Г. Худяков, Н.И. Гаген-Торн, И.И. Яковкин, от аспирантов – Л.А. Динцес, М.И. Артамонов, А.А. Иессен и др. В работах секции принимали участие специалисты, не принадлежащие к составу Академии: сотрудники Музея Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР В.Г. Богораз-Тан, Б.Н. Вишневский и Л.Я. Штеренберг; глава московской палеоэтнологической школы Б.С. Жуков, ученица Марра филолог-антиковед О.М. Фрейденберг, работники и аспиранты из Яфетического Института АН СССР, сотрудники различных музеев и т.д.

Научная работа секции в 1926-1928 гг. велась в двух ключевых направлениях: в области проработки теоретических вопросов изыскания закономерности зарождения, превращения и распространения культурных форм; и в области осуществления конкретных исследовательских задач, имеющих ближайшее отношение к генетике культуры. 1929 г. – это кульминационная веха в деятельности секции генетики культуры. Теперь в центр внимания ставилось изучение и разработка вопросов генетики культуры с точки зрения их статики и динамики: выявление культурных центров – очагов культуры, определение культурных районов, выяснение путей и факторов процесса распространения культурных элементов и культурных комплексов (динамика культуры) и изучение происхождения культурных элементов, возникающих в одних случаях путем конвергентности, в других – путем диффузии.

Еще большее значение стало придаваться междисциплинарному характеру культурно-генетических исследований. Становилось все более очевидным, что работа Секции,

¹² Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927 г. Д. № 12. Протоколы заседаний Секции генетики культуры 05.01.1927-14.10.1927. Л. 37. Отчет о работах секции генетики и культуры за 1925-1927 гг.

¹³ См.: Зеленин Д.К. Перспективный план работ по изучению генетики культуры // Краеведение. – 1928. № 5. – С. 257-266.

¹⁴ Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. № 7. Распоряжения по ГАИМК 20.03. 1929-1.10. 1930. Л. 47. Распоряжение № 37 от 13 ноября 1929 г.

охватывающая обширный комплекс наук, требовала для своего успешного осуществления не только индивидуальных сил отдельных представителей разных отраслей знания, но главным образом широкого кооперированного сотрудничества многих научных учреждений, занятых разработкой тех или других научных дисциплин важных для изучения проблем генетики культуры. Поэтому Н.Н. Павлов-Сильванский, составляя в сентябре 1928 г. «Перспективный план работы на 1929-1933 гг.», имел все основания прийти к выводу: «в секции генетики культуры в том виде, в какой единственно представляется возможным достижение намечаемых ею огромных по своему масштабу научных задач, должны объединиться археологи, диалектологи, этнографы, антропологи, искусствоведы и историки».

Сотрудниками секции весьма интенсивно велись экспедиционные исследования. Начать практическую работу по изучению генетики культуры народов Среднего Поволжья было решено с генезиса культуры чуваш, а затем планировалось переключить исследования в сторону татар, марийцев, вотяков, мордвы, мещеры и далее вплоть до финского населения Ленинградской области. При рассмотрении экспедиционных работ, развернутых секцией генетики культуры, особое внимание на себя обращает их принципиальная установка на комплексность и междисциплинарность (исследования проводились в историческом, диалектологическом, антропологическом, искусствоведческом, археологическом и этнографическом отношениях). В результате этой масштабной экспедиционной деятельности удалось собрать значительные материалы по культурно-генетическому развитию народов Среднего Поволжья.

И здесь в самый разгар напряженной творческой работы секции генетики культуры вмешались политические процессы, начинавшие лихорадить страну. 1929 год вошел в российскую историю как год «великого перелома», означавшего начало тотальной коллективизации крестьянства и советизации отечественной науки. Пытаясь сохранить секцию генетики культуры и учитывая складывающуюся конъюнктуру, Марр настойчиво приглашал наиболее адекватных марксистов с докладами на ее заседания. Этим он, видимо, стремился продемонстрировать, что в секции ведется интенсивная работа по освоению марксистского метода применительно к изучению вопросов генетики культуры. Однако это не помогло, и на пике интенсивной и широкомасштабной научной деятельности секция генетики культуры была упразднена. Распоряжение №37 от 13 ноября 1929 г. нового заместителя председателя, большевистского выдвиженца, Ф.В. Кипарисова среди прочего предписывало: в связи с введением новой структуры освободить Н.Я. Марра от заведования секцией генетики культуры. Тем не менее, работа секции генетики культуры по инерции еще какое-то время продолжалась (так, вопреки этому распоряжению своего заместителя по Академии, Марр лично провел 29 ноября 1929 г. заседание секции).

Следует иметь в виду, что из-за внезапного расформирования многие исследования сотрудников Секции были только намечены или даже начаты, но не были доведены до своего логического завершения. В числе недостатков работы Секции можно упомянуть недостаточно четкое понимание содержательных границ и специфики генетики культуры; отсутствие внятной дефиниции для самого термина «генетика культуры»; неразработанность методов исследования истории культуры в генетическом разрезе (в этом направлении были предприняты лишь первые шаги, правда, весьма успешные – Марр, Зеленин, Мещанинов, Фрейденберг, Пропп и др.); прямолинейность в понимании взаимообусловленности культурно-генетических, социально-генетических, глоттогонических и этногонических процессов. Кроме того, нельзя закрывать глаза также и на случайный список представляемых на заседаниях докладов – многие заявленные темы лишь с большой натяжкой имеют отношение к изучению генетических механизмов культуры. Наконец, недостаточно скоординированы были между собой предпринимавшиеся теоретические (фундаментальные) и практические (полевые экспедиции) исследования по вопросам генетики культуры. Справедливости ради надо сказать, что большинство из отмеченных недостатков было очевидно и для самих сотрудников секции. Можно только

предполагать на какой уровень вышла бы отечественная культурогенетика уже в начале 1930-х гг., если бы этим «Перспективным планам» суждено было сбыться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.